

К вопросу о месте культуры «малых домов» в периодизации средних веков Якутии (по материалам поселения Айыы-Тайбыт в г. Якутске)

Н. С. Кирьянов

Арктический научно-исследовательский центр АН РС(Я), г. Якутск, Россия

Аннотация. Рассмотрено предложение об исключении раннеякутской культуры «малых домов», открытой в 1940-е гг. А. П. Окладниковым, из периодизации средних веков Якутии в связи с тем, что все ее основные признаки (топография, постройки, керамический комплекс) присущи кулун-атахской культуре XIV–XVI вв. Отмечено, что раскопки поселения XV в. Айыы-Тайбыт в г. Якутске в 2016 г. позволили опровергнуть главный тезис уникальности культуры – отсутствие в ее комплексе плоскодонных сосудов. Отсутствие в памятниках культуры «малых домов» костей домашних животных говорит об их периферийном характере ввиду естественной смены ландшафтно-экологической ниши с аласно-степной на таежную. Сделан вывод, что представителями этой периферии в кулун-атахское время были, по всей видимости, обьякученные эвенки-оленьеводы. В этой связи за понятием «культура «малых домов»» предлагается оставить только историографический аспект.

Ключевые слова: Якутия, средневековье, якуты, культура «малых домов», кулун-атахская скотоводческая культура, Айыы-Тайбыт.

Для цитирования: Кирьянов Н. С. К вопросу о месте культуры «малых домов» в периодизации средних веков Якутии (по материалам поселения Айыы-Тайбыт в г. Якутске) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 27. С. 56–72. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.27.56>

On the Position of the “Small Houses” Culture in Periodization of the Yakutia Middle Ages (Based on the Aiyy-Taibyt Settlement in Yakutsk)

N. S. Kiryanov

Arctic Research Centre AS RS (Ya), Yakutsk, Russian Federation

Abstract. The discovery of the «Small Houses» culture (15–16th centuries) by A. P. Okladnikov in 1940s has been a significant achievement of the Middle Ages Yakutia’s archaeology, which provided the interesting materials on the ethnic history of Early Yakuts. Further study of that culture by I. V. Konstantinov in 1970s allowed to detect the transitional phase of «Small Houses» culture from the Iron Age to the traditional Yakut culture of the 17th century. In 1970–80s A. I. Gogolev discovered the Kulun-Atakh cattle-breeding culture of the 14–16th centuries in the Central Yakutia, which afforded ground for assuming that the «Small Houses» culture is a peripheral non-cattle-breeding variation of the Kulun-Atakh culture. On the contrary, A. N. Alekseev considered the «Small Houses» culture to be earlier than the Kulun-Atakh one and suggested to date it as 13th century. A limited factual evidence of the culture (only 4 settlements) would not allow to draw any firm conclusions about its position and role in the periodization of the Yakutia Middle Ages. The discovery and excavation of the 15th century Aiyy-Taibyt settlement in Yakutsk allowed to refute a popular misconception that only the round-bottomed pottery was characteristic of the «Small Houses» culture: the vessel № 4 in this settlement was flat-bottomed. Complementary studies also proved that there is no unique feature for the «Small Houses» culture. All its characteristics and properties resemble the Kulun-Atakh culture: the small sizes of the residential and household buildings, rich osteological material, smooth-walled, thin-walled, round-bottomed and flat-bottomed dishware of barrel and jar shape with descending short vertical ridges, etc. The absence of the cattle and horse bones in the «Small Houses» culture settlements confirm that its monuments represent the utmost periphery of the Kulun-Atakh culture habitat and supposedly were left by the Yakut-like Evenki reindeer-breeders. Thus, the absence of the unique features allows to completely designate the «Small Houses» culture as belonging to the Kulun-Atakh cattle breeding culture of the 14–16th centuries, and recognize this problem as a historiographic aspect.

Keywords: Yakutia, Middle Ages, Yakuts, «Small Houses» culture, Kulun-Atakh cattle-breeding culture, Aiyy-Taibyt.

For citation: Kiryanov N. S. On the Position of the “Small Houses” Culture in Periodization of the Yakutia Middle Ages (Based on the Aiyy-Taibyt Settlement in Yakutsk). *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2019, Vol. 27, pp. 56–72. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.27.56> (in Russ.)

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
*For complete information about the authors, see the last page of the article.

Введение

Благодаря усилиям большого числа исследователей в 1960–1980-е и последующие годы разработана достаточно подробная периодизация древней истории Якутии от палеолита до раннего железного века [см. сводку: Мочанов, Федосеева, 2013, 2017], сегодня также продолжают работы по ее уточнению и дополнению [напр.: Алексеев, Дьяконов, 2009]. Хронология средних веков Якутии разработана в большей степени для их заключительного этапа и представлена главным образом материалами кулун-атахской культуры

XIV–XVI вв., открытой А. И. Гоголевым [Гоголев, 1990, 1993], и археологическими данными XVII–XVIII вв. с началом русского периода в истории Якутии [Константинов, 1971; Окладников, Гоголев, Ащепков, 1977; Алексеев, 1996а; Бравина, Попов, 2008; Мир древних якутов ... , 2012].

Одной из неразрешенных проблем средневековой археологии Якутии сегодня остается место и роль культуры «малых домов» (далее – КМД), впервые выделенной А. П. Окладниковым [1945, 1955], а затем последовательно изучавшейся И. В. Константиновым [1978], А. И. Гоголевым [1990] и А. Н. Алексеевым [1996б]. Узкая фактическая база культуры, отсутствие новых данных не позволяли определенно судить о ее месте и значении в периодизации средних веков Якутии. Главным дискуссионным моментом проблемы оставался вопрос: считать ли культуру «малых домов» самостоятельной, предшествовавшей кулун-атахской, как это полагает А. Н. Алексеев [1996б, с. 31–32], или же, согласно А. И. Гоголеву, она представляет собой только ее «окраинный бесскотоводческий вариант» [1990, с. 49].

Открытие в 2016 г. поселения (жилища) в местности Айбы-Тайбыт в г. Якутске позволило вернуться к обсуждению этой темы, с возможностью опереться на данные радиоуглеродного датирования и анализ керамического материала (рис. 1) [Материальный комплекс ... , 2016; Кирьянов, 2018а, 2018б].

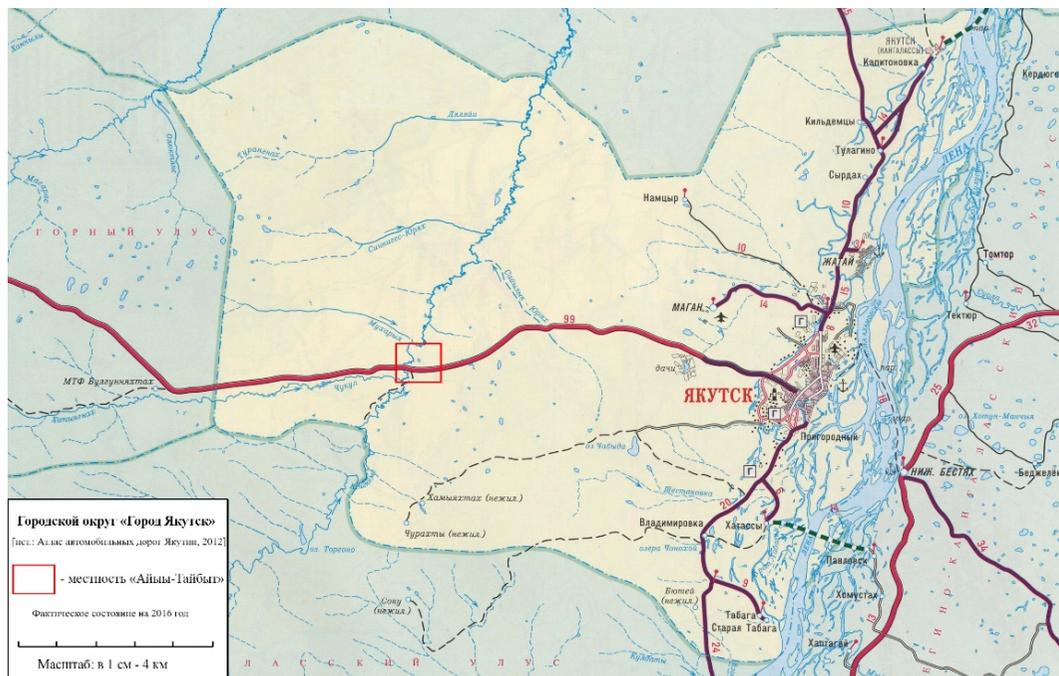

Рис. 1. Административная карта городского округа «Город Якутск» с указанием месторасположения местности Айбы-Тайбыт

История открытия и изучения культуры «малых домов»¹

Культура выделена и исследована А. П. Окладниковым в 1940-е гг. Всего им изучено четыре ее поселения: первое – в Жиганском районе, на правом берегу р. Лены вблизи оз. Сылах (21,6 км к юго-востоку от устья р. Ундюлюнг), два – в Кобяйском районе, на

¹ Дается в реферативном изложении на основании главы III «Якутия в эпоху средневековья» монографии А. Н. Алексеева [1996б, с. 29–32], который подробно разбирал этот вопрос.

правом берегу р. Лены, в 20 км выше пос. Сангары в местности Унгайы (или Зеленое)² и в самом поселке. Четвертый памятник находится в Таттинском районе вблизи пос. Хара-Алдан на левом берегу р. Алдан [Окладников, 1945, с. 48–62; 1955, с. 347–352].

Культура получила название по одному из своих характерных признаков – наличию квадратных или круглых в плане формы жилищ-домов небольших размеров 4×4 м или 5×5 м. А. П. Окладников полагал, что квадратные жилища близки по форме традиционным якутским балаганам, стены которых сооружались из вертикально поставленных жердей, размещавшихся по периметру квадратной рамы на четырех столбах. Очаг из каменных плит находился преимущественно в их центре, в ряде случаев – у одной из боковых стен. Второй тип жилищ представляет собой округлые в плане постройки конической формы, напоминающие пирамидальные эвенкийские земляные юрты *холомо* (*голомо*). Верхняя и боковые части домов обоих типов обкладывались дерном и засыпались землей. Поселения КМД, по А. П. Окладникову, состояли из трех-четырех построек обоих типов, иногда больше. Плотная насыщенность культурного слоя свидетельствовала о длительном времени обитания человека в них. Судя по отсутствию костей крупного рогатого скота и лошадей, обитатели скотоводства не знали, а имеющиеся остеологические материалы говорят о занятиях рыболовством и охотой [Алексеев, 1996б, с. 29].

В керамическом комплексе А. П. Окладников выделил такие архаичные черты, которые позволяли сопоставить ее с керамикой раннего железного века (далее – РЖВ) Якутии – тонкие стенки сосудов, наlepные валики, рассеченный косым штампом бортик, – что позволяло объяснить ее появление курыканским влиянием. Также отмечались и элементы, близкие керамике якутов XVIII–XIX вв. (например, тисненный узор в виде фигурных вдавлений) [Окладников, 1945, с. 54–56; Алексеев, 1996б, с. 29].

В целом А. П. Окладников считал выделенную им КМД как состоящую из местных племен РЖВ, которую ассимилировали пришельцы с юга. «Во всех существенных признаках культуры “малых домов” запечатлен постепенный переход от старой культуры севера к новой, североякутской, культуре...» [Окладников, 1955, с. 351–352]. Основываясь на данных фольклора, близости керамики КМД с позднейшей якутской, а также исходя из господствовавшей тогда концепции позднего прихода тюркоязычных предков якутов на Среднюю Лену, А. П. Окладников предложил датировать КМД периодом до XV–XVI вв. [Алексеев, 1996б, с. 29].

В 1970-е гг. изучением КМД занимался И. В. Константинов [1978, с. 44–49]. Он, в частности, продолжил раскопки на памятниках в районе пос. Сангары, а также изучал подъемный материал с участка Хара-Алдан. И. В. Константинов считал, что для КМД характерна, главным образом, круглодонная керамика, а плоскодонная имеет уже относительно позднее происхождение и должна быть связана с традиционной якутской культурой XVII в. И. В. Константинов поддержал мнение А. П. Окладникова, что КМД представляет собой переходный этап от РЖВ к более позднему якутскому периоду. Прямо датировать КМД исследователь воздержался, но предложил удревнить ее на одно-два столетия, т. е. отнести к периоду XIII–XIV вв. [Константинов, 1978, с. 49; Алексеев, 1996б, с. 30].

В 1970–1980-е гг. А. И. Гоголевым на материалах памятников Центральной Якутии выделена кулун-атахская скотоводческая культура (далее – КАСК) XIV–XVI вв., которую исследователь разделил на два этапа: ранний – кулун-атахский XIV–XV вв., и поздний – сырдыкский XV–XVI вв. [Гоголев, 1990, 1993]. КАСК характеризуется небольшими по размеру жилыми поселками по три-шесть построек, четырехугольных и округлых в плане, площадью от 24 до 42 м². С конца XV в. размер строений увеличивается и они приобретают вид балаганов с приставными хлевами-хотонами. На поселениях обнаружен обильный остеологический материал, свидетельствующий о скотоводческом характере КАСК. Инвентарь представлен железными и костяными наконечниками стрел, костяными шильями,

² Месторасположение дается по описанию А. П. Окладникова [1945, с. 49–50], при этом единственный топоним «Уонгайы» отмечается на топографических картах на левом берегу р. Лены, в 9 км выше устья р. Лунгха (левый приток р. Лены).

железным ножом с втульчатой рукояткой, костяной гребенкой архаичного вида, кусками железного шлака и фрагментами глиняного сопла для кузнечных мехов. Поздний сырдыкский этап включал в себя глиняные ножи-подставки для сосудов, вильчатые наконечники, остроги, долота, пальмы, «овечьи» ножницы, скобели, железную панцирную пластину и роговые орнаментированные рукоятки [Алексеев, 1996б, с. 30].

В керамическом комплексе КАСК А. И. Гоголев выделил 38 типов, с преобладанием преимущественно плоскодонных горшков баночной, бочковидной и пиалообразной формы [Гоголев, 1990, с. 90]. В общем облике материальной культуры КАСК А. И. Гоголев определил синтезирование субстрата местного РЖВ при доминировании пришлых (южных) элементов культуры тюркской эпохи VI–XII вв. Прибайкалья и Южной Сибири. Преобладающее значение имело влияние курыканской культуры и южносибирской тюркской среды [Гоголев, 1993, с. 96].

В ходе изучения памятников КАСК А. И. Гоголев высказал мнение о месте КМД в средневековой истории Якутии. Он полагает, что «малые дома» представляют собой окраинный бесскотоводческий вариант КАСК и что керамика КМД принадлежала не местному, а пришлому населению, каковыми были тюркоязычные предки якутов. А. И. Гоголев вслед за И. В. Константиновым считает, что в связи с переходом к оленеводству юкагиры и тунгусы Якутии к середине II тысячелетия перестали изготавливать глиняные сосуды. В сущности, речь идет о прекращении лепки тонкостенной керамики РЖВ, а значит, и о завершении эпохи РЖВ. Следовательно, наиболее правильно относить керамику и весь комплекс находок КМД не к самостоятельной культуре, а к варианту КАСК и датировать ее также XIV–XVI вв. [Гоголев, 1990, с. 49–50; 1993, с. 95].

А. Н. Алексеев высказал другую точку зрения, что КМД следует считать вполне самостоятельной, продолжающей традиции РЖВ Якутии, из которой впоследствии и «вызревает» КАСК. По его мнению, анализ соответствующих материалов с очевидностью свидетельствует, что керамика РЖВ не исчезла и не сменилась другой, как полагает А. И. Гоголев, а несколько видоизменившись, продолжала изготавливаться обитателями «малых домов», а затем и кулун-атахцами. Таким образом, согласно А. Н. Алексееву, правильнее оценивать КМД как переходный этап от РЖВ к КАСК. Керамика КМД более архаичная, чем кулун-атахская, поскольку новыми элементами сосудов КАСК являются: плоское дно, толстостенность, более усложненный и разнообразный художественный орнамент [Алексеев, 1996б, с. 31]. Исходя из этого, А. Н. Алексеев предварительно датирует КМД XIII в. [Там же, с. 32].

Собственно, этим и ограничивается история открытия КМД и вообще средневековых поселений (в том числе и КАСК), поскольку в последние годы приоритет отдается поиску и изучению погребений этого периода. Так, исследователями обнаружены такие интересные и перспективные в исследовательском плане захоронения XIV–XVII вв., как Атласовское I и II, Сергеляхское, Кюрдюгенское (Ожунское), Балыктахское и др. [Мир древних якутов ... , 2012; Атласовское захоронение ... , 2014; Бравина, Дьяконов, 2015; Антропологическое исследование ... , 2016; Комплексное исследование ... , 2016; Женское погребение ... , 2017], а изучение поселений и жилищ отошло на второй план. Достаточно сказать, что после полевых исследований А. И. Гоголева (которые завершились в 1986 г.) новых открытий памятников этого типа до настоящего времени не имелось (рис. 2).

Результаты исследования поселения (жилища) Айыы-Тайбыт в г. Якутске

Памятник случайно выявлен нами в 2014 г. на северном склоне 6–7-метровой террасы старичного озера Айыы-Тайбыт на участке среднего течения р. Кэнкэмэ (Кенкеме) между двумя ее левыми притоками – реками Чукул (378 км от устья) и Мухарыя (368 км), приуроченном к 44 км автодороги А-331 «Вилой». Сам памятник удален от автодороги по прямой на 2,19 км к северо-западу и расположен в 400 м к западу от кордона эвенкийской общины «Аркит». В муниципальном отношении данные земли относятся к территории городского округа «Город Якутск» и граничат на 45–46 км автодороги с Хангаласским районом Республики Саха (Якутия) (рис. 3).

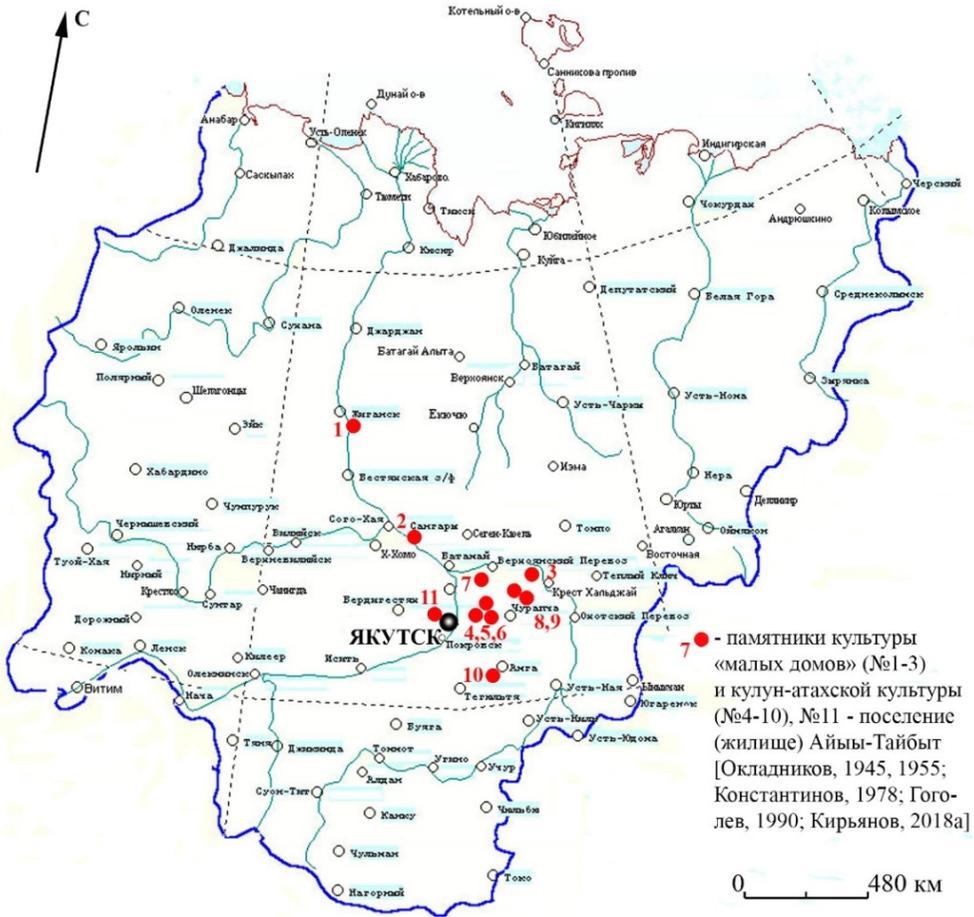

Рис. 2. Карта месторасположения памятников культуры «малых домов» и кулун-атахской культуры, а также поселения (жилища) Айбы-Тайбыт. Масштаб: в 1 см – 240 км

До начала раскопок памятник представлял собой слабо выраженный в рельефе четырёхугольный задернованный вал размером 4,5×5 м, высотой не более 25 см от уровня дневной поверхности, ориентированный по линии запад – восток и покрытый маломощным слоем опавших хвойных иголок, с растущими на нем пятью соснами. Искусственное происхождение вала сразу выявилось в ходе расчистки отдельных участков, где обнаруживались части обрушенной деревянной постройки в виде горелых лиственничных жердин, а также отдельные фрагменты керамического сосуда. В результате осмотра установлено, что объект по своим внешним характеристикам (прямоугольной форме, небольшим размерам), месторасположению (в лесу, вблизи озера) и облику керамики заметно сближается с КМД и поэтому требует пристального изучения [Материальный комплекс ... , 2016, с. 272; Кирьянов, 2018а, с. 21–22].

Поскольку данная территория прежде не была подвергнута археологическому обследованию, то в 2016 г. было принято решение провести здесь широкие разведочные и раскопочные работы, в ходе чего было выявлено, в том числе, 6 объектов археологического наследия эпохи неолита Айбы-Тайбыт I–VI, из которых Айбы-Тайбыт VI оказался перекладенным [Кирьянов, 2018б, с. 467–468].

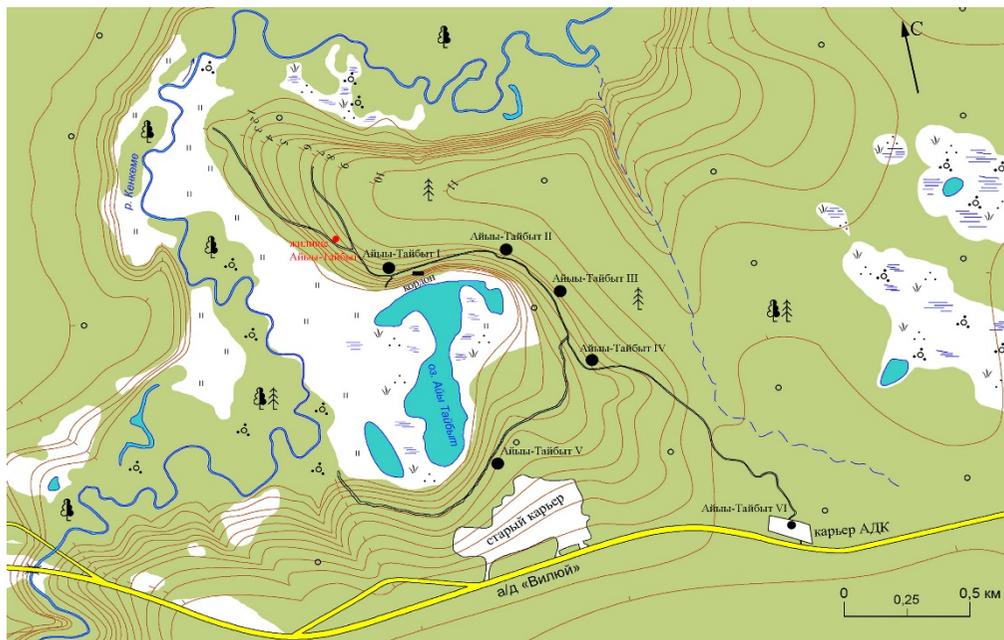

Рис. 3. Ситуационный план местности в месте расположения среднего течения р. Кенкеме (Кэнкэмэ) и оз. Айыы-Тайбыт с обозначением памятников эпохи неолита Айыы-Тайбыт I–VI и поселения (жилища) Айыы-Тайбыт. Масштаб: в 1 см – 250 м

Рис. 4. Поселение (жилище) Айыы-Тайбыт. Расчистка жилища от дернового покрова. Съемка с восточной стороны

В ходе раскопочных работ поселения засвидетельствовано, что выявленный памятник представляет собой обрушенное в результате пожара четырехугольное сооружение подпрямоугольной (слегка вытянутой) формы размером $3,5 \times 4,5$ –5 м и высотой 20–25 см от уровня дневной поверхности, сложенное из тонкомерных (диаметр – от 5 до 13 см) неошкурённых лиственничных жердин, схожее с типом традиционного якутского жилища – юрты-балагана, обмазанного глиной (рис. 4). Постройка ориентирована по сторонам света: вход в помещение, согласно традиционным якутским представлениями, располагается с восточной стороны. Находки приурочены главным образом к центральной части конструкции и залегают преимущественно в черном слое (мощностью до 5–8 см), сформировавшемся в результате сильного горения лиственничных жердин и слоя трухлявой лиственничной коры (щепы), которая являлась либо потолочным покрытием, либо нижним настилом (рис. 5). О высокой степени пожара можно судить по двум признакам: наличию в центре небольшого участка узкого слоя серой глины мощностью до 1 см, образовавшегося, видимо, в результате спекания (печи или камелька?), а также выраженному прокалу красного (местами оранжевого) цвета подстилающей супеси в юго-восточной части постройки.

Высота постройки, исходя из максимальной длины сохранившихся вертикальных жердин (до 1 м), не превышала среднюю величину человеческого роста (160–170 см). Сгоревшие остатки сооружения представлены в основном комлевой частью обрушенных жердин (являющихся основанием), которые подверглись воздействию огню в наименьшей степени. Дальнейшее изучение позволило констатировать отсутствие внутри сооружения каких-либо нар, лежанок, а также значительной части потолочных перекрытий, которые, вероятно, сгорели. Угловые столбы вкопаны в землю на глубину более 45 см, наружные их части не сохранились [Кирьянов, 2018а, с. 40–41].

Полученный в процессе раскопок материальный комплекс представлен следующими категориями: гладкостенной керамикой серого и темно-серого цвета (всего 395 фрагментов), остатками животных (274 кости), каменными (20 экз.), деревянными (3 экз.) и берестяными (4 экз.) изделиями. Также внутри жилища отмечено 888 кусочков глины округлой формы (диаметр – до 3,5 см), из которых 770 обожжены (рис. 6), 9 фрагментов непрошито́й бересты, а также 3 куса железного шлака (рис. 7).

Керамика поселения как тонкостенная (S до 0,6 см), так и толстостенная ($S = 0,6$ –0,8 см). Всего обнаружено 29 венчиков сосудов, 4 фрагмента плоского днища одного сосуда и 3 – придонной части. Судя по данным подсчета, в жилище находилось как минимум 6 развалов разных сосудов: 2 тонкостенных и 4 толстостенных, все – с прямым венчиком, в пяти случаях (№ 2–6) венчик утолщен. Венчики каждого сосуда оригинальны по оформлению бортика, а также облику и количеству налипных валиков:

Сосуд № 1 – тонкостенный ($S = 0,5$ см) с плоским бортиком и двумя острореберными отстоящими друг от друга валиками (рис. 8, 1).

Сосуд № 2 – тонкостенный ($S = 0,4$ см) с округлым бортиком и одним острореберным валиком (см. рис. 8, 2).

Сосуд № 3 – толстостенный ($S = 0,8$ см) с округлым бортиком и двумя гладкими отстоящими друг от друга валиками с одним сквозным отверстием между ними (рис. 8, 3).

Сосуд № 4 – толстостенный ($S = 0,8$ см) плоскодонный сосуд баночной формы с плоским бортиком, в котором утолщенный дополнительным налипком венчик разделен неглубокой узкой линией на два неравных рассеченных тонкими черточками валика с несколькими сквозными отверстиями под ними (см. рис. 8, 4).

Сосуд № 5 – толстостенный ($S = 0,6$ см) с плоским бортиком и двумя острореберными отстоящими друг от друга валиками (представлен только одним фрагментом) (см. рис. 8, 5).

Сосуд № 6 – толстостенный ($S = 0,8$ см) с округлым бортиком и двумя гладкими отстоящими друг от друга валиками, по облику представляется наиболее грубо изготовленным в сравнении с остальными (см. рис. 8, 6).

Рис. 5. Поселение (жилище) Айбы-Тайбыт. Промежуточный итог выборки культурного (черного) слоя до верхов светло-коричневой супеси в центральной части жилища. Съемка с северной стороны

Рис. 6. Материалы поселения (жилища) Айбы-Тайбыт: обожженные кусочки глины – обмазки жилища

Рис. 7. Материалы поселения (жилища) Айбы-Тайбыт: аморфные куски железного шлака

Рис. 8. Керамический комплекс поселения (жилища) Айбы-Тайбыт в четырех проекциях: А – спереди, Б – сверху, В – сбоку, Г – снизу

Венчики сосудов № 1, 4 и 5 компактно обнаружены в восточной и южной части поселения соответственно, поверх обрушенных жердин сооружения, т. е. могли располагаться с наружной стороны постройки. Венчики сосудов № 3 и 4 зафиксированы в северной части, а фрагменты перевернутого вверх дном плоскодонного сосуда № 4 – в северо-восточном и юго-восточном углах (рис. 9). Остальные фрагменты керамики хаотично раскиданы в пределах центральной части сооружения, в настоящее время полностью собрать сосуды из фрагментов затруднительно в силу их маловыразительного облика. Все выявленные типы сосудов (исходя из характера венчика, налипших валиков, деталей днища, толщины и состава формовочной массы) находят себе аналогии керамическому комплексу КАСК, в значительной степени ее заключительному сырдыкскому этапу XV–XVI вв. [Гоголев, 1990, с. 23–38, табл. III, 10; X, 1, 9, 14, 15; XI, 5; XVI, 7, 8; XVII, 5; XX, 2].

Фаунистический состав комплекса выражен в массиве своем костями северного оленя (*Rangifer tarandus*) и, вероятно, птиц³. Большую часть из исследуемого остеологического материала составляют мелкие (размером до 5,0 см) трубчатые кости (198 шт.). Из анатомически определимых костей оленя (122 шт.) зафиксированы несколько экземпляров первых и вторых фаланг, лопаточных, плюсовых и пяточных костей, в единственном

³ Определение кандидата биологических наук М. Ю. Чепрасова, научного сотрудника лаборатории «Музей мамонта» Института прикладной экологии Севера СВФУ.

числе отмечены тазовая, бедренная и большая берцовая кости, принадлежащие, по всей видимости, разным особям. 10 шт. из этих костей зафиксированы в берестяном неорнаментированном сосуде (?), который был зарыт прямо по центру постройки в кв. Д-4, ниже уровня пола постройки (рис. 10) [Кириянов, 2018а, с. 42–43].

Каменные предметы делятся на кварцитовые и кремневые. Первая категория представлена галечными осколками (3 экз.), неопределимыми изделиями (2 экз.), галечным отщепом (1 экз.), термосколом (1 экз.). Изделия из кремня состоят в основном из технических отходов: пластин и их обломков – трехгранных (5 экз.) и двугранных (3 шт.); сколов (3 шт.); одного осколка и гальки. Все пластины сняты с призматического нуклеуса.

Обнаруженные в комплексе берестяные изделия, по нашему мнению, являются рыболовными поплавками – они имеют вид узкой вытянутой трубочки из сложенного в 3–4 изгиба плотного куска бересты, промазанного темно-коричневым березовым варом. Размеры поплавков следующие: длина – от 6 до 10 см, ширина – 1,2–1,5 см (рис. 11).

Деревянные изделия представлены одним наконечником (?) треугольной формы (длиной 8 см, толщиной в сечении – 0,5 см), а также двумя узкими обработанными дощечками, назначение которых пока не ясно [Там же].

С целью определения возраста в ходе раскопочных работ отобраны образцы костей оленя с квадратов Д-4 и Д-5 – всего 24 кости общим весом более 400 г, получившие наименование «Образец № 1» (место сбора выделено на рис. 12 синим цветом), а также с квадратов Б-В-Г-4-5-6 – всего 46 костей общим весом более 400 г, получивших наименование «Образец № 2» (выделено на рис. 12 зеленым цветом). Совокупность костей определялась необходимостью предоставить на анализ образцы весом не менее 400 г каждый, но, к сожалению, ни одна из отдельных костей столько не весила, вследствие чего пришлось их механически обобщить.

С квадрата Д-2 изъята часть горелой лиственничной жерди, являющейся частью жилищной конструкции, из которой в декабре 2016 г. был получен образец древесного угля весом более 150 г, получивший название «Образец № 3». С квадрата Е-4 из черного культурного слоя взята лиственничная труха (щепа) общим весом более 20 г, получившая название «Образец № 4» (см. рис. 12).

Образцы были отправлены в Лабораторию геологии кайнозоя, палеоклиматологии и минералогических индикаторов климата Института геологии и минералогии им. В. С. Соболева (г. Новосибирск) в декабре 2016 г.⁴ Датирование осуществлялось жидкостно-сцинтилляционным способом на аппарате Quantulus-1220 (Liquid Scintillation Counters). Для расчета возраста использован период полураспада ¹⁴С, равный 5570 годам. Возраст рассчитан от 1950 г. Итоговые даты получены в конце апреля 2017 г. [Там же, с. 95–101].

Получены следующие радиоуглеродные датировки:

1. Образец № 1 (кости северного оленя) – 530±50 л. н. (СОАН-9595).
2. Образец № 2 (кости северного оленя) – 1135±70 л. н. (СОАН-9596).
3. Образец № 3 (древесный уголь) – возраст современный, позднее 1850 г. (СОАН-9597).
4. Образец № 4 (горелая лиственничная щепа) – возраст современный, позднее 1850 г. (СОАН-9598).

С учетом калибровки⁵ возраст образцов выглядит следующим образом:

1. Образец № 1 – 1385 г. (±44 лет) / XIV–XV вв.
2. Образец № 2 – 884 г. (±82 лет) / IX–X вв.
3. Образец № 3 – XIX–XX вв.
4. Образец № 4 – XIX–XX вв.

⁴ Финансирование осуществлялось за счет средств гранта Якутского отделения Русского географического общества (ЯО РГО).

⁵ Калибровка радиоуглеродных дат выполнена в программе OxCal 4.3.2 [Bronk, Ramsey, 2017], атмосферная кривая IntCal13 [IntCal13 and Marine13 ... , 2013].

Рис. 9. Поселение (жилище) Айыы-Тайбыт. Квадрат Е-5 раскопа: наличие перевернутого днищем вверх плоскодонного сосуда № 4, а также венчика сосуда № 6. Съемка с восточной стороны

Рис. 10. Поселение (жилище) Айыы-Тайбыт. Квадрат Д-4 раскопа: разрез рыхлых отложений светло-коричневой супеси, где обнаружено заполнение темно-коричневого цвета – берестяной сосуд (?) с обломками оленьих костей. Съемка с восточной стороны

Таким образом, с учетом полученных датировок можно высказать следующие соображения. Совпадение возраста двух независимых друг от друга дат – костей северного оленя (из образца № 1) XIV–XV вв. и керамического комплекса поселения сырдыкского этапа КАСК – позволяет взять эту дату за рабочую. Вторая дата – IX–X вв. – представляется нам излишне удревленной и требует проверки. Вполне допустимо, что в состав образца № 2 могли попасть более древние кости и исказить дату, тем более что в численном количестве образец № 2 содержал больше костей, чем образец № 1. В настоящее время на АМС-датирование отправлены кости из зарытого в землю берестяного сосуда.

Полученные даты по древесному углю (с горелой жерди) и горелой лиственничной щепе свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что постройка периодически обновлялась и взамен пришедших в негодность старых жердин использовались молодые, что говорит о периодическом функционировании жилища. Имеющийся в составе керамический комплекс вполне мог использоваться до самого позднего времени; с учетом того, что объект находится на значительном расстоянии от основных очагов КАСК (Амгинский, Мегино-Кангаласский районы – бассейн р. Амги), происходившие здесь процессы (в плане употребления керамической посуды) могли идти с запозданием. Отсутствие каких-либо костей домашних животных (лошадей и коров) говорит о бесскотоводческом характере функционирования жилища. Скорее всего, его пользователями было местное тунгусское (эвенкийское) население, занимавшееся промыслом и охотой на оленя, но имевшее контакты с якутским населением и знакомое с их керамическим производством. В остальном полученные данные не противоречат общей картине материальной культуры традиционных народов Якутии в XIV–XVI вв. [Там же, с. 45–46].

Рис. 11. Материалы поселения (жилища) Айбы-Тайбыт: берестяные поплавки, замазанные березовым варом (1 – кв. Б-4, 2 – кв. Е-2)

Значение памятника Айбы-Тайбыт в решении проблемы места и роли культуры «малых домов» в периодизации средних веков Якутии

После открытия и выделения КАСК в 1970–1980-е гг. А. И. Гоголевым ее очевидная близость и сходство с КМД были подмечены как самим А. И. Гоголевым, так и А. Н. Алексеевым. В частности, это выражается в таком ярком характерном признаке, как наличие налепных валиков на керамических сосудах, с которых «свисают» короткие вертикально ориентированные валики [Окладников, 1945, с. 57, рис. 4; 1955, с. 351–352; Константинов, 1978, табл. XXI, 5; Гоголев, 1990, табл. XI, 6; XVI, 4; XIX, 17; Алексеев, 1996б, с. 85–93, табл. XIII, 5; XIV, 1, 4, 8; XV, 1–3, 6; XVI, 1, 3–4; XVII, 1–2; XIX, 1–2, 4; XXI, II тип орнамента]. В остальном это касается и общего керамического облика – преимущественно тонкостенной гладкостенной керамики бочковидной и баночной форм серо-коричневого цвета, главным образом с незагнутыми венчиками сосудов, топологии и форм жилых построек, небольшой их скученности, близкой территориальной и хронологической близости культур.

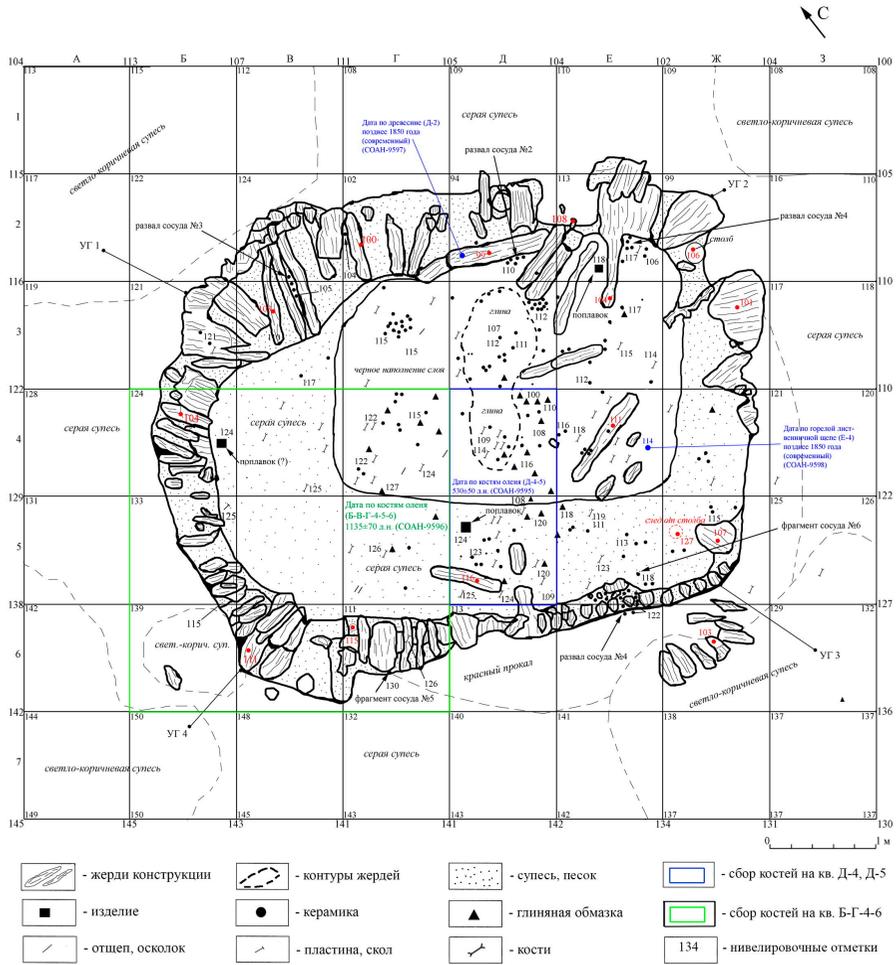

Рис. 12. Поселение (жилище) Айбы-Тайбыт. Выборка культурного (черного) слоя в центральной части жилища. Масштаб: в 1 см – 50 см

Главным отличительным моментом, по мнению исследователей, является присутствие в поселениях КАСК костей домашних животных и плоскодонной керамики, которые отсутствуют в КМД. «Вероятнее всего, вся керамика культуры “малых домов” отличается круглодонностью» [Константинов, 1978, с. 48]. «В наборе кулун-атахской керамики есть круглодонные сосуды, но посуда с плоским дном явно преобладает. Совершенно противоположная картина наблюдается в культуре “малых домов”: плоскодонные сосуды на ее памятниках отсутствуют» [Алексеев, 1996б, с. 32]. В остальном же никаких сугубо оригинальных черт, присущих только КМД, на сегодняшний день не отмечено.

Важный вопрос занимает датировка КМД: А. П. Окладников относил ее к периоду XV–XVI вв., И. В. Константинов – до XIV–XV вв., А. И. Гоголев – к XIV–XVI вв. (временн КАСК), и только А. Н. Алексеев счел возможным предварительно датировать ее XIII в. Следует отметить, что XIII в. в Якутии еще никакими конкретными археологическими материалами не наполнен и в этой связи сопоставить данные КМД просто не с чем⁶.

⁶ В настоящее время известен только один памятник в Якутии – многослойная стоянка Улахан-Сегеленных (р. Токко, Южная Якутия), – где содержатся выраженные культурные слои, относящиеся к раннему средневековью [Алексеев, 1996б, с. 7], но после работ А. С. Кириллина в 1998 г. исследования на памятнике не ведутся.

В целом данное заключение А. Н. Алексеева строится только на его собственном убеждении, что «керамика культуры “малых домов” более архаичная, чем кулун-атахская» [Алексеев, 1996б, с. 31] и ссылок на А. П. Окладникова и И. В. Константинова, считавших, что «что керамика “малых домов” свидетельствует о продолжении культурных традиций эпохи бронзы и раннего железного века» [Там же, с. 32]. Другими документальными свидетельствами эта точка зрения не подкреплена.

Значение выявленного памятника – поселения (жилища) Айыы-Тайбыт – заключается в его явно типичном облике для КМД, где в слое жилища зафиксирована такая же явно типичная керамика кулун-атахского облика сырдыкского этапа (XV–XVI вв.), один из сосудов которой – плоскодонный. Одна из датировок культурного слоя по кости оленя (СОАН-9595) указывает на период XIV–XV вв., что подтверждает усредненные данные возраста керамического комплекса памятника. В случае, если вторая дата (СОАН-9596) для культурного слоя по кости оленя (IX–X вв.) будет подтверждена другими независимыми источниками, то это заставит самым серьезным образом вернуться к пересмотру хронологического диапазона КАСК и уточнению облика ее керамического комплекса. В настоящий же момент у нас нет оснований опираться на эту дату, и мы считаем ее явно удревненной, возможно, за счет попадания в образец более древних костей, не связанных с функционированием и деятельностью жилища.

Безусловно, только открытие и изучение новых памятников позволит максимально приблизиться к решению наиболее сложных вопросов периодизации средних веков Якутии, но раскопки поселения (жилища) Айыы-Тайбыт уже на данном этапе исследования наглядно свидетельствуют, как минимум, об ошибочности прежнего суждения о полном отсутствии в комплексах КМД плоскодонных сосудов как об одном из ведущих признаков. Главным отличающим компонентом КМД от КАСК остается только отсутствие в их комплексе костей домашних животных, что аналогично позиции А. И. Гоголева, считающего КМД окраинным бесскотоводческим вариантом КАСК.

КМД как историографический «пережиток» в истории средних веков Якутии

Периодизация средних веков Якутии все еще находится в стадии разработки, поскольку до сих пор существует проблема выделения этапа раннего средневековья в приблизительных рамках V–XIII вв. [см. напр.: Степанов, 2003]. Вплоть до сегодняшнего дня, несмотря на все усилия специалистов и достижения определенных успехов в этом направлении (как, например, открытие наиболее ранних якутских погребений XIV–XV вв.), памятники раннего средневековья пока не известны. Несмотря на очевидную обрядовую и хронологическую близость якутских захоронений с конем с аналогичными памятниками усть-талькинской культуры XII–XIV вв. Южного Приангарья [Николаев, 2004, с. 155–157], такой же культурно-хронологический этап в Якутии так и не выявлен.

До открытия в 1970–1980-е гг. А. И. Гоголевым КАСК выделение и изучение КМД было плодотворным, поскольку стимулировало исследователей на новые поиски наиболее ранних этапов средневековья, позволяя хотя бы теоретически выйти за пределы XVII–XVIII вв., на что уже обращал внимание И. В. Константинов [1971, с. 177–178].

С выделением КАСК стало очевидно, что она содержит в себе все черты КМД (с вариациями), но представлена значительно шире в территориальном охвате и включает наиболее представительный, в сравнении с КМД, комплекс предметов, характеризующий быт и культуру населения XIV–XVI вв., при этом подтвержденный датировками. Это отмечали как сам А. И. Гоголев, так и А. Н. Алексеев. Единственными нерешенными вопросами оставались возраст КМД (синхронный КАСК или более ранний) и презумпция полного отсутствия плоскодонных сосудов в ее комплексе. Раскопки пусть даже единичного поселения (жилища) Айыы-Тайбыт продемонстрировали как минимум преждевременность такого категоричного суждения.

В целом надо признать, что на сегодняшнем этапе изучения КМД не имеет присущих только ей уникальных признаков, которые бы позволяли ее ранжировать с КАСК, за исключением отсутствия в ее памятниках костей домашних животных, на что указывал еще А. И. Гоголев. Скорее всего, дальнейшие исследования принесут много нового в содержание и характеристику КАСК, но уже сегодня кажется очевидным, что КМД полностью входит в территориальный, хронологический и культурный круг ареала КАСК, представляя ее периферию, поэтому искусственно противопоставлять их друг другу бессмысленно и непродуктивно.

В этой связи мы предлагаем отказаться от понятия «культура “малых домов”» как самостоятельной культурно-исторической дефиниции и признать за ней только историографический аспект, а также включить ее памятники и ареал в состав КАСК, считая ее периферийной территорией последней.

Заключение

Практический опыт показывает, что обоснованное выделение культурно-исторических общностей (культур) продуктивно влияет на дальнейшую разработку периодизации и хронологии конкретных исторических этапов, благодаря чему выявляются наиболее значимые и ведущие признаки, позволяющие четко отделять один интервал от последующего. При этом, как правило, с накоплением новых данных определенные общности или культуры либо подтверждают обоснованность их выделения, либо нет, и тогда от них отказываются. Как, например, это было с «нижнеленской» и «среднеленской» культурными областями и «озерным неолитом» Якутии А. П. Окладникова, особым обликом мезолита Олекмы Н. Д. Архипова. В настоящее время уточняется периодизация и локализация приленских культур Якутии Ю. А. Мочанова и С. А. Федосеевой (работы А. Н. Алексева, С. И. Эверстова, В. А. Кашина, В. М. Дьяконова, В. В. Питулько).

Необходимо отметить большую заслугу А. П. Окладникова и И. В. Константинова в разработке данного этапа позднего средневековья на конкретном материале, тем более что и исторически, и культурно они верно наметили тот хронологический диапазон КМД, который затем на более содержательном и представительном материале КАСК четко очертил А. И. Гоголев. Опираясь на их данные, А. Н. Алексеев постарался хотя бы теоретически расширить временные рамки культуры, задавая новую отправную точку для будущих исследований. Как видим сегодня, это дало определенные результаты.

Актуальность дальнейших исследований эпохи средневековья Якутии очевидна как в целом, так и кулун-атахского периода в частности. С расширением ареала КАСК за счет включения периферийных территорий можно предметно отслеживать контактные зоны взаимодействия якутского и эвенкийского населения, находящихся в одном культурном пространстве, но в разных экологических нишах. Разработка этих тем позволит ответить на следующий важный вопрос: когда заканчиваются чисто материальные способы и возможности той или иной археологической культуры и начинается ее сугубо идейное и духовное проникновение в инородную среду, т. е. на каком этапе происходит влияние идей, а не технологий? Например, каким образом происходило проникновение якутского (кулун-атахского) скотоводческого керамического декора с его явно упрощенным художественным значением в таежную оленеводческую среду, где керамика раннего железного века в орнаментальном плане значительно разнообразнее и ярче? Какие исторические процессы шли за этим проникновением и затем полным замещением? Ответы на эти и другие вопросы позволят дать более отчетливое представление о культурном и духовном быте традиционного населения Якутии в эпоху средневековья.

Источники

Кирьянов Н. С. Отчет о проведении археологических полевых работ (раскопок) на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение (жилище) Айыы-Тайбыт» (рукопись) // Архив Музея археологии и этнографии СВФУ. Якутск, 2018а. 198 с.

Список литературы

- Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на Северо-Востоке Якутии. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 1996а. 152 с.
- Алексеев А. Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 1996б. 96 с.
- Алексеев А. Н., Дьяконов В. М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 26–40.
- Антропологическое исследование раннеякутского Атласовского погребения XIV–XV веков / А. Н. Багашёв, Д. И. Ражев, А. В. Зубова, Р. И. Бравина, В. М. Дьяконов, А. Д. Степанов, Я. В. Кузьмин, Г. В. Л. Ходжинс // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 44 (2). С. 137–147.
- Бравина Р. И., Дьяконов В. М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность отличительных признаков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3(12). С. 27–32.
- Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV – начала XVI в. / Р. И. Бравина, В. М. Дьяконов, Е. Н. Николаев, Д. М. Петров, В. В. Сыроватский, А. Н. Багашёв, Д. И. Ражев, О. Е. Пошехонова, С. М. Слепченко, Е. А. Алексеева, Я. В. Кузьмин // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 90–109.
- Женское погребение XVII века Атласовское-2 из Центральной Якутии: результаты комплексного исследования / Р. И. Бравина, В. М. Дьяконов, Д. М. Петров, Е. Н. Соловьёва, В. В. Сыроватский, А. Н. Багашёв, О. Е. Пошехонова, С. М. Слепченко, Д. И. Ражев, Е. А. Алексеева, А. В. Зубова, Я. В. Кузьмин // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1 (36). С. 44–63.
- Бравина Р. И., Попов В. В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск : Наука, 2008. 296 с.
- Гоголев А. И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск : ИГУ, 1990. 188 с.
- Гоголев А. И. Якуты: проблемы этногенеза и формирования культуры. Якутск : ЯГУ, 1993. 200 с.
- Атласовское захоронение XIV–XV вв. кулун-атахской культуры в контексте проблем этногенеза якутов / В. М. Дьяконов, А. Д. Степанов, А. Н. Багашёв, Д. И. Ражев, Я. В. Кузьмин, Г. В. Л. Ходжинс // Всадники Северной Азии: этногенез и этническая история саха. Новосибирск : Наука, 2014. С. 233–240.
- Материальный комплекс поселения позднего средневековья Айыы-Тайбыт в Центральной Якутии: в рамках дискуссии о месте культуры «малых домов» в периодизации средних веков Якутии / Н. С. Кирьянов, В. П. Сивцева, Т. В. Николаев, Д. М. Куприянов // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культура, 2016. Вып. 5. С. 272–279.
- Кирьянов Н. С. Археологические исследования в г. Якутске и Хангаласском районе // Археологические открытия. 2016 год. 2018б. С. 467–472. <https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.467-472>.
- Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Якутск : Якут. кн. изд-во, 1971. 212 с.
- Константинов И. В. Ранний железный век Якутии. Новосибирск : Наука, 1978. 128 с.
- Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции) / ред. Э. Крюбези, А. Алексеев. Якутск : СВФУ, 2012. 226 с.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Очерки дописьменной истории Якутии: Эпоха камня. Якутск : Компания Дани-Алмаз, 2013. Т. 1. 504 с.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Очерки дописьменной истории Якутии: Эпоха камня. Якутск : Компания Дани-Алмаз, 2013. Т. 2. 489 с.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Очерки дописьменной истории Якутии: Конец эпохи камня и начало эпохи ранних металлов. Якутск : Компания Дани-Алмаз, 2017. Т. 3. 522 с.
- Николаев В. С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV вв.: усть-талыкская культура. Владивосток ; Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. 306 с.
- Окладников А. П. Ленские древности (Отчет об археологических исследованиях в низовьях реки Лена (Якутск – Жиганск) в 1942 и 1943 гг.). Якутск : Якут. Гос. тип., 1945. Вып. 1. 100 с.
- Окладников А. П. История Якутской АССР (Якутия до присоединения к Русскому государству). М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1955. Т. I. 432 с.
- Окладников А. П., Гоголев З. В., Ащепков Е. А. Древний Зашиверск: древнерусский заполярный город. Новосибирск : Наука, 1977. 212 с.
- Степанов А. Д. Эпоха раннего средневековья в Якутии (постановка проблемы) // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. С. 225–230.
- Bronk Ramsey С. OxCal 4.3 [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://c14.arch.ox.ac.uk>. (дата обращения: 10.08.2018)
- IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50 000 years cal BP / P. J. Reimer, E. Bard, A. Bayliss, J. W. Beck, P. G. Blackwell, C. Bronk Ramsey, C. E. Buck, H. Cheng, R. L., Edwards, M. Friedrich, P. M. Grootes, T. P. Guilderson, H. Hafliadason, I. Hajdas, C. Hatté, T. J. Heaton, D. L. Hoffmann, A. G. Hogg, K. A. Hughen, K. F. Kaiser, B. Kromer, S. W. Manning, M. Niu, R. W. Reimer, D. A. Richards, E. M. Scott, J. R. Southon, R. A. Staff, C. S. M. Turney, J. van der Plicht // Radiocarbon. 55, 1869–1887. https://doi.org/10.2458/azu_js_rc.55.16947, 2013/

References

- Alekseev A. N. *Drevnyaya Yakutiya: zheleznyi vek i epokha srednevekoviya [The Ancient Yakutia: The Iron Age and the Middle Ages]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1994, 96 p. (In Russ.).
- Alekseev A. N. *Pervyye russkie poseleniya XVII–XVIII vv. na Severo-Vostoke Yakutii [The first Russian settlements of the 16–17th centuries in the North-East of Yakutia]*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 1996, 152 p. (In Russ.).

- Alekseev A. N., Dyakonov V. M. Radiouglerodnaya khronologiya kultur neolita i bronzovogo veka Yakutii [Radiocarbon chronology of the Neolithic and Bronze Age cultures of Yakutia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2009, Vol. 3 (39), pp. 26–40. (In Russ.)
- Bagashev A. N., Razhev D. I., Zubova A. V., Bravina R. I., Dyakonov V. M., Stepanov A. D., Kuzmin Ya. V., Hodgins G. V. L. Antropologicheskoe issledovanie ranneyakutskogo Atlasovskogo pogrebeniya XIV–XV vekov [Anthropological study of the Early Yakut Atlasov burial of the 14–15th centuries]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2016, Vol. 44 (2), pp. 137–147. (In Russ.)
- Bravina R. I., Dyakonov V. M. Ranneyakutskie srednevekoveye pogrebeniya XIV–XVII vv.: sovokupnost otlichitelnykh priznakov [The Early Yakut medieval burials of the 14–17th centuries: a collection of distinguishing features]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* [Northeast humanitarian herald]. 2015, Is. 3 (12), pp. 27–32. (In Russ.)
- Bravina R. I., Popov V. V. *Pogrebalno-pominalnaya obryadnost yakutov: pamyatniki i traditsii (XV–XIX vv.)* [The Yakut funeral and memorial rites: monuments and traditions (the 15th–19th centuries)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008, 296 p. (In Russ.)
- Bravina R. I., Dyakonov V. M., Nikolaev E. N., Petrov D. M., Syrovatskiy V. V., Bagashev A. N., Razhev D. I., Poshekhonova O. E., Slepchenko S. M., Alekseeva E. A., Kuzmin Ya. V. Kompleksnoe issledovanie ranneyakutskogo Sergelyakhskogo pogrebeniya sereдины XV – nachala XVI vv. [A comprehensive study of the Early Yakut Sergelyakh burial of the middle 15th – early 16th centuries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii]. 2016, Is. 4 (35), pp. 90–109. (In Russ.)
- Bravina R. I., Dyakonov V. M., Petrov D. M., Solovieva E. N., Syrovatskiy V. V., Bagashev A. N., Poshekhonova O. E., Slepchenko S. M., Razhev D. I., Alekseeva E. A., Zubova A. V., Kuzmin Ya. V. Zhenskoe pogrebenie XVII veka Atlasovskoe-2 iz Tsentralnoi Yakutii: rezultaty kompleksnogo issledovaniya [The 17th century Atlasovskoe-2 female burial from Central Yakutia: the results of a comprehensive study]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii]. 2017, Is. 1 (36), pp. 44–63. (In Russ.)
- Gogolev A. I. *Istoricheskaya etnografiya yakutov* [The historical ethnography of the Yakuts]. Yakutsk, YSU Publ., 1980, 108 p. (In Russ.)
- Gogolev A. I. *Yakuty (problemy etnogeneza i formirovaniya kultury)* [The Yakuts (a problem of culture formation and ethnogenesis)]. Yakutsk, YSU Publ., 1993, 200 p. (In Russ.)
- Dyakonov V. M., Stepanov A. D., Bagashev A. N., Razhev D. I., Kuzmin Ya. V., Hodgins G. V. L. Atlasovskoe zakhoronenie XIV–XV vv. Kulun-atakhskoi kultury v kontekste problem etnogeneza yakutov [Atlasov burial of the 14–15th centuries of the Kulun-Atakh culture in the framework of the problems of the Yakuts ethnogenesis]. *Vsadniki Severnoi Azii: etnogenez i etnicheskaya istoriya sakha: materialy Vserossiiskoi interdistsiplinarnoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyaschyonnoi 125-letiyu G. V. Ksenofontova i 100-letiyu L. N. Gumileva (g. Yakutsk, 24–26 oktyabrya 2012 g.)* [Riders of North Asia: ethnogenesis and ethnic history of the Sakha: materials of Russia-wide interdisciplinary scientific conference with International participation dedicated to the 125th anniversary of G. V. Ksenofontov and the centenary of L. N. Gumilyov (Yakutsk, October 24–26, 2012)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2014, pp. 233–240. (In Russ.)

Сведения об авторе

Кирьянов Николай Сергеевич

ведущий научный сотрудник, руководитель Музея арктической археологии им. С. А. Федосеевой, Арктический научно-исследовательский центр АН РС(Я); 677007, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1
e-mail: ns_kiryarov@bk.ru

Information about the author

Kiryarov Nikolai Sergeevich

Leading Researcher, Head of S. A. Fedoseeva Museum of the Arctic archaeology, Arctic Research Centre, AS RS(Ya); 1, Petrovskii st., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677007, Russian Federation
e-mail: ns_kiryarov@bk.ru